

19. Campbell Barbara. The Iron Ladies. Why Women Do Vote Tory? London, 1987.
20. Lovenduski Joni and Vicky Randall. Contemporary Feminist Politics. Oxford, 1993.
21. Genovese Michael A. Margaret Thatcher and the Politics of Convictive Leadership // Michael A. Genovese. Women as National Leaders. London, 1993.
22. Radice Lisanne (ed.) Winning Women's Votes. London: Fabian Society, 1985; Norris Pippa. The Gender Gap: America and Britain // Parliamentary Affairs. Spring 1985. Vol. 38. №2; Hewitt P. and D. Mattinson. The Women's Votes: The Key to the Winning. London: Fabian Society. 1989; Lovenduski Joni. Sex, Gender and British Politics // Parliamentary Affairs. 1996. Vol. 49. №1, Lovenduski Joni and Pippa Norris. Gender and Party Politics in Britain // Lovenduski Joni and Norris Pippa. Gender and Party Politics. London, etc.: SAGE Publication. 1993; Norris Pippa. Mobilising the 'Women's Vote': The Gender-Generation Gap in Voting Behaviour // Parliamentary Affairs. April 1996. Vol. 49. №2; Short Clare. Women and Labour Party // Parliamentary Affairs. 1996. Vol. 49. №1.
23. Rasmussen Jorgen. Female Political Career Patterns and Leadership Disabilities in Britain: The Crucial Role of Gatekeepers in Regulating Entry to the Political Elite // Polity. Summer 1981. Vol. 13. №4; Lovenduski Jonny and Pippa Norris. Selecting Women Candidates: Obstacles to the Feminisation of the House of Commons // European Journal of Political Research. Vol. 17. 1989; Norris Pippa and Joni Lovenduski. Women Candidates for Parliament — Transforming the Agenda // British Journal of Political Science, 1989. Vol. 19; McRae Susan. Women at the Top: Progress after Five Years. London: Hansard Society for Parliamentary Government, 1996; McRae Susan. Women at the Top: The Case of British National Politics // Parliamentary Affairs. July 1990. Vol. 43. №3; Norris Pippa, Elizabeth Vallance, and Joni Lovenduski. Do Candidates make a Difference? Gender, Race, Ideology and Incumbency // Parliamentary Affairs. October 1992. Vol. 45. №4; Norris Pippa and Joni Lovenduski. 'If Only More Candidates Came Forward': Supply-Side Explanations of Candidate Selection in Britain // British Journal of Political Science. 1993. №23; Barkman Kerstin. Politics and Gender: The Need for Electoral Reform // Parliamentary Affairs: A Journal of Comparative Politics. 1996. Vol. 49. №1.
24. The Report of the Hansard Society Commission on Women at the Top. London, 1990.
25. Lovenduski Joni and Norris Pippa. Selecting Women Candidates // European Journal of Political Research. 1989. Vol. 17.
26. Norris Pippa and Lovenduski Joni. 'If Only More Candidates Came Forward': Supply-Side Explanations of Candidate Selection in Britain // British Journal of Political Science. 1993. №23.
27. Bogdanor Vernon. What is Proportional Representation? A Guide to the Issues. Oxford, 1984. P. 113.
28. Lovenduski Joni and Jill Hills. The Politics of the Second Electorate: Women and Public Participation. London, etc., 1981; Gelb Joyce. Feminism and Politics: A Comparative Perspective. Berkeley, etc., 1989; Gelb Joyce. Feminism in Britain: Politics without Power? // Drude Dahlerup (ed.) The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and the USA. London, 1986.
29. Lovenduski Joni and Pippa Norris. Gender and Party Politics. London, etc., 1993.
30. Norris Pippa and Lovenduski Joni. Political Recruitment: Gender, Race and Class in the British Parliament. Cambridge, 1995.
31. Perrigo Sarah. Socialist-Feminism and the Labour Party: Some Experiences from Leeds // Feminist Review. №23, June 1986; Perrigo Sarah. Gender Struggles in the British Labour Party from 1979 to 1995 // Party Politics. 1995. Vol. 1. №1; Perrigo Sarah. Women and Change in the Labour Party // Parliamentary Affairs. January 1996, vol. 49, №1.
32. Hirschmann Nancy. Freedom, Recognition, and Obligation: A Feminist Approach to Political Theory // American Political Science Review. December 1989; Meehan Elizabeth and Selma Sevehurijzen (eds.). Equality Politics and Gender. Newbury Park, 1991; Ring Jennifer. Modern Political Theory and Contemporary Feminism: A Dialectical Analysis. Albany, 1991; Ferguson Ann. Sexual Democracy: Women, Oppression and Revolution. San Francisco, 1991.
33. Tilly Louise and Patricia Gurin (eds.) Women, Politics and Change. New York, 1994.

И. Р. Чикалова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В стремлении к политическим переменам миллионы американцев и жителей Европы, начиная с 1960-х гг., стали участниками трех социальных движений — черного освободительного за гражданские права, антивоенного и нового феминистского. Последнее, перемежая успехи и неудачи в достижении персональных и социальных перемен, как ни одно другое, обогатило интеллектуальный багаж, внесло кардинальные изменения в сознание и образ жизни американского и европейского общества, сравнимые только с результатами широкого движения за гражданские права чернокожего населения США. В широком смысле, адресат феминизма — общество в целом, к которому он обращает свою основную политическую рекомендацию, — следует отказаться от жестких иерархий, использовать методы ненасилия, сотрудничества, кооперации и заботы

о тех, кто оказался на общественной периферии, потому что по разным причинам (пол, раса, класс, религия, возраст, физическое состояние, сексуальная ориентация) попал в категорию “другого”, не соответствует канону, являющемуся мерилем “нормы”.

Феминистское движение 60-х гг. XIX — начала XX в., направленное, главным образом, на осуществление права женщин на участие в выборах и избрание в законодательные органы власти, вошло в историю как “первая волна феминизма”. В результате усилий суфражистского движения женщины ряда стран на национальном уровне (Новая Зеландия, Финляндия, Россия, Великобритания, США) между 1905 и 1920 гг. получили право участвовать на выборах. Последовавший затем период вплоть до 60-х гг. XX в. стал временем молчания “невидимости” самих женщин и женских проблем в политическом дискурсе. Хотя отдельным женщинам, как, например, Элеонор Рузвельт и Фрэнсис Перкинс в США, Барбаре Касл и Ширли Вильямс в Великобритании, Александру Коллонтай и Марии Спиридоновой в России удалось оставить яркий след в политике, в качестве организованной общественной группы женщины оставались невидимыми на арене политической жизни. Тем не менее, к середине 1960-х гг. в развитых странах в положении и образе жизни женщин произошло пять изменений, столь кардинальных, что их подчас характеризуют как революции. *Засуфражистской революцией* произошла *сексуальная*, за ней — *революция поведения*, *кухонная революция*, и наконец, *революция на рабочих местах*, изменившая характер рабочей силы и роль женщины в экономике [1]. Выход женщины прежде всего представительниц среднего класса, на общественную сцену происходит во второй половине 1960-х гг. на волне массового движения за гражданское равноправие в США. Организация из его недр автономного женского движения (на фоне болезненного разочарования в связи оттеснением в нем женщин на периферию) стала результатом ряда параллельно протекавших процессов.

В США усилившаяся политизация общества, появление в 1963 г. заключительного доклада президентской *Комиссии по статусу женщин*, впервые на официальном уровне признавшего наличие их дискриминации, выход в свет взорвавшей сознание американцев книги Бетти Фридан “*Загадка женственности*” [2] и, наконец, создание в 1966 г. *Национальной организации женщин* повлекло за собой развитие массового, нового женского движения. К 1970 г. “женское освобождение” стало одной из центральных тем общественной жизни США. Получив импульс из-за океана, бурно стало развиваться женское движение в европейских, особенно, скандинавских странах. Его развитие сопровождалось формированием философии и идеологии *феминизма*, который стал его теоретической базой. Активное формирование теории *феминизма* привело к институализации в университетах междисциплинарных программ *Women*

Studies. Преподавание их становилось открыто политическим актом, признанием существования женского угнетения и поиском ответа на вопрос: как положить конец подчинению женщин. Начав с критики теории “естественной субординации” и подчиненного статуса женщин, феминисты отвели *гендеру* центральное место в анализе структур власти, политических, социальных и культурных институтов, моделей идеологического воздействия.

Повторный всплеск женского движения во второй половине 1960-х гг. инициировал академические дебаты по многим проблемам истории и современного состояния общества, исследование которых в феминистском дискурсе приобрело совершенно иную окраску. До того, как поднятые феминистами вопросы стали предметом всестороннего обсуждения, работы в области политологии, социологии едва упоминали женщин. Если субъект политики, в качестве которого традиционно выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то политическое участие женщин (которое было действительно минимальным в силу принудительного разведения по разные стороны женщины политики) и их политическое поведение (которое в качестве избирателей копировало мужское) не изучались. Практически не исследовалась также роль женщин в сферах, где они были наиболее “видимыми”, — в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства семьи: серьезная наука отдавала предпочтение исследованию статусных сфер с преимущественным преобладанием мужчин. В дофеминистский период значительно более узкое толкование понятий *политики* и *политического* не оставляло места для женщин. Должен был состояться интеллектуальный прорыв для деконструкции традиционного понимания и привычного подхода к изучению общества. Множество “частных” тем, которые касались женщин, стали не только статусными, но и приобрели совершенно иное звучание в феминистском дискурсе.

Развитие относящихся к женщинам исследований в политической науке характеризуется парадигмой: полная невидимость, ограниченная видимость, видимость. Устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практически полное игнорирование их в политических исследованиях. И несмотря на факт, что женщины участвовали, как в годы французской революции конца XVIII века, особенными и уникальными способами в революционных трансформациях современного мира, этот факт не находил должного понимания у политологов. Исключение составили лишь труды, посвященные великим женщинам масштаба княгини Ольги, национальной героини Франции Жанны Д’Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-Грезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике.

Большинство классических теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с

женщинами, не только не позволяют им участвовать во властных структурах, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Соответственно женщины и “женское” были спрятаны в политическую теорию и в историях политической мысли, написанных с позиции андрогинизма. Концепция, которая структурировала политический дискурс в классический период, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и частного пространств. Начиная с древних греков, концептуальное разделение отражало классическое понимание частной области домохозяйства (*oikos* или сфера репродукции) и экономики (*polis*, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку иерархические отношения рассматривались в качестве естественных правил частной сферы, соответственно, исключение женщин из публичной сферы оправдалось на их “естественную” неспособность преступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Поскольку женщины ассоциировались с частной подчиненной сферой, они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь; публичная сфера не только существовала без женщин, но и была построена против них. Это было характерно для государств античной Греции, подобная ситуация имела место и в Древнем Риме: женщина абсолютно подчинялась домовладыке по Законам XII таблиц (середина V века до н.э.), и — в несколько меньшей степени — по семейным законам императора Августа (43 до н.э. — 14 г. н.э.). Средние века не принесли изменения социального политического статуса женщин. Даже в Новое время либеральная теория с акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины. Питавшая идеями либерализма, великая французская революция конца XVIII в. оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала. Разделение между “правителями” и “управляемыми” становилось очевидно социальным. Поскольку женщин замыкали в семейной сфере, а в хозяйственной жизни наделяли подчиненной ролью, они функционально были исключены из зоны политической, социальной и экономической свободы; публичная сфера только существовала без женщин, но и была настроена против них. Политика по определению, стала миром, в котором правила и имели голос только мужчины.

Рост феминистского движения и необходимость инкорпорировать демократические идеалы в научную теорию, привлекли внимание к важности постановки вопросов, связанных с репрезентацией женских интересов. И, тем не менее, не смотря на растущий, начиная с 1970-е гг., в геометрической прогресс

объем феминистских исследований в политических науках, центральный дискурс политической теории долгое время оставался нетронутым. Она продолжала конструироваться таким образом, как будто женщины и их интересы как группы, концептуально несовместимы с политическим дискурсом. Еще точнее, теоретики определяли политическую территорию в терминах “отсутствия” гендера. Женщины, говоря словами Джин Элштейн, оставались открыто бессловесны, будучи исключенными даже из словаря политики. Таким образом, в самом определении политики были вписаны предпосылки, исключающие женское участие в публичной жизни: интересы женщин признавались важными лишь в плане достижения некоей особой женской “добродетельности”.

Феминистская интервенция в политическую теорию началась с переформулировки, введения новых исследовательских задач и их компонентов, например:

- был сделан вызов конвенциональным определениям политики;
- был поставлен новый вопрос, каким образом гендер конструирует женский политический опыт, и как раса, этничность, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание;
- стали исследоваться как взаимопереплетения социальных отношений женщин в семье, на рабочем месте, коммунах влияют на выработку форм сопротивления и соглашений;
- стали делаться попытки поместить активизм общественных организаций (*grassroots activism*) в контекст более широкого политического и экономического процесса;
- стали анализироваться взаимоотношения между женской политической практикой и политической теорией.

Центральной для феминизма стала деконструкция подхода к определению политической территории и политики. Поскольку отчетливо разделенные между собой “публичная” и вторичная по отношению к ней “частная” сферы стали основными территориями жизни мужчин и женщин в патриархальном обществе, одной из главных в феминистской теории стала проблема взаимодействия между ними, и в связи с этим ставилось под сомнение традиционное определение *политики*. В классической политологии существует тенденция определять ее в качестве целенаправленной деятельности, ограниченной рамками *особой* публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Развернувшие в 1970-е гг. дискуссии радикальные феминисты подвергли фундаментальной критике общепринятые трактовки *политики* как деятельности, не охватывающей область *частного*. Кейт Миллет в своей уже классической работе *Sexual Politics* предложила перенести акцент в определении *политики* на взаимоотношения, основанные на власти, “посредством которой одна группа людей контролируется другой” [3, с. 23]. Она развивает тезис о том, что

контролируется другой” [3, с. 23]. Она развивает тезис о том, что отношения между полами являются сексуально-политическими в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на различии полов [3, с. 23]. Одним из проявлений этого является монополизация мужчинами основных ключевых позиций в политико-властных структурах.

Таким образом, понятие *политика* радикальными феминистками стало трактоваться предельно широко — как все действия в сфере современной социальной и культурной жизни. Поэтому любая женская акция, направленная против дискурса патриархатной культуры, воспринимается как политический поступок, поскольку всегда ставит под сомнение основы и принципы функционирования существующих институтов и практик, призывает к их переосмыслению и символизирует собой акт преодоления властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры. Отсюда — основная политическая формула радикальных феминистов и, по-существу, основной лозунг второй волны феминизма — “*все персональное есть политическое*”. Поместив в свой центральный слоган утверждение о прямой связи между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами, заботами и социальными переменами, феминистки кардинально расширили саму политическую повестку. Проблемы, прежде рассматриваемые исключительно в качестве “*приватных*” женских, — аборт, репродуктивные права, насилие в отношении женщин, сексуальное преследование, забота о детях, домашняя работа стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий. Признание того, что *персональное* является *политическим*, упразднило искусственное разделение жизненного и политического пространства на *публичное* и *приватное*. Оно также бросало вызов наложению идеологического ограничения на *политику*, сводящего ее к узкому миру выборов, кандидатов и лоббистов.

В то же время стала выявляться ограниченность и самой феминистской теории и феминистской практики, произрастающих из персонального опыта объединенных в свои организации белых женщин среднего класса, которые не могли аккумулировать и репрезентировать опыт всех женщин. С этой точки зрения, оказывалось, что феминистское движение также определяло содержание *политики* недостаточно широко, и в 1980-е гг. оно стало подвергаться критике со стороны черных феминисток за игнорирование совершенно специфического, несопоставимого ни с чем опыта потомков чернокожих рабынь, ощущавших себя “*другими*” не только по отношению к мужчинам (более к белым, нежели к черным), но, в очень значительной степени, по отношению к белым женщинам среднего класса. В рамках феминизма 1960—1970-х годов появилась некая обязанность говорить в качестве и от лица *женщин*. Но, как говорит Джудит Батлер, “любая попытка дать универсальное или специфическое со-

ержание категории женщин, где предполагается, что этот гарант солидарности требует *заранее*, обязательно производит фракционализацию, и такая “*идентичность*” как отправная точка никогда не удержится в качестве основы для феминистского политического движения” [4]. Именно поэтому в начале 1980-х годов феминистское “*мы*” подверглось атакам цветных женщин.

Манифестирование в текстах черных феминисток “*различия*” в 1990-е годы стимулировало академические дебаты, приведшие к политической концептуализации понятий различия в “*общем*” и “*сексуального различия*” в частности, которые стали чрезвычайно важными *политически* в странах Европейского сообщества и особенно в контексте постколониальных исследований. Здесь стошлем читателя к тексту интервью Джудит Батлер с Розы Брайдотти: “*акцентуализация на обобщенной европейской личности, которая сопутствует проекту “унификации” старого континента, неизбежно приводит к “различию”, которое становится даже более чем принципиальным и взрывоопасным понятием. Следствием парадокса одновременной глобализации и фрагментаризации, который соответствует социально-экономической структуре наших постиндустриальных времен, является регрессия к национализму и расизму, который идет рука об руку с проектом европейского федерализма, свидетелями чего мы все являемся в сегодняшней Европе*” [5]. Исчезновение Восточного блока, распад СССР и Югославии, дисинтеграционные процессы внутри самой России, появление чеченского вопроса несет в себе флюиды, как “*различия*” в общем, так и “*сексуального различия*”, в частности, ставших *политически* окрашенными. И хотя корни концепции “*различия*” могут быть обнаружены в иерархических, исключаящих способах тоталитарного мышления, не учитывание *различия* становится невозможным в контексте исследования идущих дисинтеграционных процессов.

В связи с тем значением, которое феминистская теория придает вообще развитию демократических процессов, взаимосвязь между феминизмом и демократической концепцией гражданства стала одной из важных тем академических дебатов 1980—1990-х гг. Либеральные феминистки, требуя предоставления широкого спектра политических и гражданских прав для женщин, не бросали вызов доминирующей либеральной модели гражданства и политики, так же как рамкам *политического* и политической территории. Однако именно переосмысление и деконструкция последних создало основания для попыток построения такой модели гражданства и гражданской активности, которая бы инкорпорировала феминистские политики приватного, основанные на таких специфических для семьи добродетелях, как любовь, интимность и озабоченность судьбой “*конкретного другого*” [6, с. 113]. В частности, стоящие на материалистской позиции Джин Бетке Элстайн и Сара Раддик вслед за Кэрол Гиллиган, противопоставившей феминистскую “*этику заботы*” мужской и либеральной “*этике справедливости*”, утверждают, что именно в женском

“этике справедливости”, утверждают, что именно в женском опыте материнства следует искать новую модель гражданской активности [7]. Тем не менее, подобная материалистская позиция нашла противников среди самих феминисток, которые рассматривают гражданство в качестве сугубо патриархальной категории. В частности, Кэрол Пейтман в своем, ставшей феминистской классикой, “Сексуальном контракте” [8], излагает позицию наиболее остро: кто такой “гражданин”? что делает этот гражданин на арене, где он действует, коль скоро она является сконструированной по мужскому типу? Хотя женщины в либеральных демократиях сейчас являются гражданками, это самое гражданство было завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых женские качества и свойства по-прежнему являются малоценными [6, с. 114]. Пейтман доказывает, что дискуссии в рамках теории социального контракта демонстрируют только часть истории: в основе современного патриархата и политического доминирования мужчин над женщинами лежит “сексуальный контракт”, который никогда прежде не рассматривался. Является ли выходом создание дифференцированной по половому признаку модели гражданства, в которой специфические запросы мужчин и женщин будут оцениваться равным образом. Мнения расходятся. Но создание совершенно иной концепции того, что значит быть гражданином и “действовать в качестве члена демократического политического сообщества” [6, с. 117], тоже наталкивается на свои трудности.

Центральной для феминистского определения *политики* стала предложенная в 1980-е годы концепция *обретения/осознания силы (empowerment)*. Мужчины, утверждают феминистки, видят власть, как *власть над (power over)*, как возможность влиять или доминировать, в то время как женщины видят ее как *обретение/осознание силы для (empowerment to)*. Термин *empowerment* используется ими для описания власти, *уполномочивающей для*, в отличие от *власти над кем-либо*. Поэтому они проводят различие между термином *empowerment*, который включает стратегию убеждения и другие формы непринудительного влияния, и термином *authority (власть)*. Феминистская теория также настаивает на том, что женщины и определяют власть, и пользуются ею иначе, чем мужчины. За последнее десятилетие были опубликованы многочисленные книги и статьи, дающие феминистскую интерпретацию *политики обретения силы (politics of empowerment)*. Среди них работы Джудит Батлер и Джоан Скок, Дайаны Кул, Ивы Дойчман, Анны Йонасдоттир, Мэрили Карл, Дженифер Рив, Мэри Шэнли и Кэрол Пейтман, Касс Санстейн и других авторов. *Обретение-осознание силы* в том смысле, какой этому понятию придают феминистки, означает процесс обретения угнетенными некогда личностями возможности распоряжения своими судьбами, расширения участия в делах общества и присутствия в соответствующих структурах. Следствием этого является не традиционное понимание власти как “*власть над другими*”, или власти в виде до-

минирования, но понимание власти как “*полномочие к*”, или как “*компетенция*”. Сама же власть в руках женщин видится более кооперативной и менее конфронтационной, нежели в руках мужчин. Эта вера в иной подход в политике, рисуемый последним, пожалуй, является одним из наиболее часто используемых аргументов для отстаивания требования увеличения числа женщин на политических и политических позициях.

Однако наряду с достижением существенного представительства, женщины должны сами осознавать свои интересы и заявлять о своих нуждах. Женщина прежде должна обрести собственный голос в современной культуре. Для организации акций протеста/поддержки, демонстрации, законодательных усилий для радикального движения необходимо делать заявления от имени всех женщин. Формулировка повестки лоббирования женских интересов не может обойтись без обращения к политикам идентичности. В свою очередь, вопрос о формулировке “женского интереса” остается открытым. Женщины обнаруживают не только общность жизненного опыта, но и его несхожесть у представительниц разных социальных, религиозных и этнических, возрастных групп, и как следствие, на политической сцене воспроизводят и транслируют это различие, в том числе относительно взглядов на политические приоритеты. Таким образом, возрастание числа женщин в “публичном офисе” само по себе может не быть достаточным. Поэтому, ставя вопрос об особенностях роли женщин в современной культуре, феминистские исследователи пытаются соотнести специфический женский жизненный опыт с политической теорией.

Политические требования, определяемые в качестве феминистских, направлены на коррекцию неравенства и асимметрий в традиционных гендерных ролях. Первыми, внесенными в политическую повестку и получившими универсальное признание, были право голоса, равенство в образовании и трудовых отношениях в части оплаты, статуса и возможностей. Одним из важных направлений усилий демократического и феминистского движения стало введение, расширение, а в дальнейшем — сохранение *политики позитивной дискриминации* в пользу женщин. Ее предложила использовать Конвенция ООН 1979 г. “*О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин*” [9]. *Позитивная дискриминация* в контексте участия в политике, часто подвергающаяся критике за создание благоприятных условий и продвижение женщин, не является уникальным явлением, характерным только для 1970—1990-х гг. На самом деле такая дискриминация, но *в пользу мужчин*, была неотъемлемой чертой политической жизни со времени образования государства, тогда как женщины сначала вообще были лишены избирательных прав, а когда их получили, не имели доступа к властным позициям. В США, где женское движение было наиболее мощным и развивалось параллельно с движением за гражданские права темнокожего населения страны, в 1960-е гг. был введен в оборот термин *аф-*

фирмативные действия, который стал означать практику или принцип, в соответствии с которым предпочтение при приеме на работу или учебу отдается представителям групп, которые раньше дискриминировались по причине пола, расы и т.д., и стал реализовываться посредством комплекса специальных программ по расширению возможностей для них в получении образования, трудоустройстве, в политике, бизнесе и других социальных сферах.

Вторая группа политических феминистских требований традиционно рассматривается в качестве относящейся исключительно к женщинам, хотя эффект их продвижения непосредственным образом затрагивает и мужчин: отпуска по уходу за ребенком, детские ясли, пособия на детей.

Третий блок охватывает репродуктивные права (аборт, контрацепция, контроль рождаемости по вопросам планирования семьи) и имеет отношение к биологическим функциям женщин и мужчин. Дискуссия по поводу этой темы приобрела экзистенциальный характер, столкнув между собой клерикалов и антиклерикалов. Репродуктивная свобода является основополагающим правом женщин контролировать свои тела и жизни. Две стороны дебатов о праве аборт определяют себя как "pro-life" (за жизнь) и "pro-choice" (за выбор) — возможно не выступают "за жизнь", но также проблематично выступать против свободного "выбора". К 1990-м гг. проблема аборта (сам он стал легальным в абсолютном большинстве стран), в частности, в американском обществе, уже более не рассматривалась в качестве чисто женского требования. Она превратилась в глубокий моральный конфликт, разделивший сообщество, по поводу которого можно было проиграть или выиграть выборы.

Наконец, к 1990-м гг., насилие в семье, проблемы на рабочем месте, связанные с сексуальными домогательствами, стелкеризм также стали частью политической повестки вследствие пространной дискуссии по поводу уместности перенесения персональных проблем на общественный уровень.

Литература и источники

1. Лернер Макс. Развитие цивилизации в Америке: Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В 2-х тт. М., 1992. Том 2-й, с. 80
2. Фридан Бетти. *Загадка женственности*. М.: Прогресс. 1994.
3. Millet Kate. *Sexual Politics*. London. 1972. P. 23.
4. Батлер Джудит. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о "постмодернизме" // *Гендерные исследования*. №3, 1999. С. 101.
5. Батлер Джудит. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Рози Брайдотти. Пер. с англ. // *Гендерные исследования*. №2, 1999. С. 61.
6. Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // *Гендерные исследования*, 1999, № 3.
7. Elshtain Jean. *Public Man, Private Woman*. Princeton, 1989; Ruddick Sarah. *Maternal Thinking*. London: Verso, 1989.

8. Pateman Carole. *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press; 1988.
9. Lawson Edward. *Encyclopedia of Human Rights*. New York, etc.: Taylor & Francis Inc., 1990. С. 268.

И. Р. Чикалова

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ США (1970—1990-е годы)

На протяжении 70—90-х гг. число женщин в Конгрессе США увеличивалось очень медленно. Если в 1970 г. женщины занимали 15 (13 — в Палате представителей, 2 — в Сенате), что составляло менее 3,0% от общего числа депутатов, то к 1979 г. — 17 (16 — в Палате представителей, 1 — в Сенате), а к 1989 г. — 31 место (29 — в Палате представителей, 2 — в Сенате). В 1998 г. их число достигло 59 (11%): 9 (9%) из 100 мест — в Сенате, и 50 (11,5%) из 435 мест — в Палате представителей [1]. Из них 71% представляли демократов, 29% — республиканцев. Средний возраст женщин в 105-м Конгрессе был 54 года [2].

К 1998 г. 187 женщин (120 демократок, 67 республиканок) избирались или назначались в Конгресс. Из них 26 (15 демократок, 11 республиканок) находились в Сенате и 165 (107 демократок и 58 республиканок) — в Палате представителей [1]. Четверо — республиканка Маргарет Смит (Мейн), демократки Барбара Боксер (Калифорния) и Барбара Микалки (Мэриленд), а также республиканка Слимпия Сноу (Мейн) — служили в обеих палатах [1]. Кроме того, 3 (2 демократки и 1 республиканка) работали в качестве делегатов в Палате представителей.

Представительство женщин в делегациях штатов в федеральном Конгрессе было неравномерным: в 1985 г. лидировал штат Нью-Йорк, пославший к этому году 12 женщин в Палату представителей [3]. В 1998 г. на первом месте была Калифорния, которую представляла в Конгрессе 21 женщина, семь штатов (Айова, Аляска, Вермонт, Висконсин, Делавэр, Миссиссипи, Нью-Гэмпшир) никогда вообще не посылали женщин в Конгресс. Два штата (Луизиана и Мейн) делегировали по 3 женщины в Сенат. Рекорд пребывания в Конгрессе в качестве депутата среди женщин принадлежит республиканке от Массачусетса Эдит Роджерс. Она была избрана в 1925 г., чтобы заполнить вакансию, появившуюся в связи со смертью ее мужа, и прослужила 35 лет, вплоть до собственной смерти в 1960 г. [4, с. 219].

Только 10 женщин вошли в Сенат, выиграв регулярные выборы. Республиканка от Канзаса Нэнси Кассебаум стала первой женщиной, в 1978 г. избран-